

ИЛЬЯ КУКУЛИН – КРИТИК-ФИЛОЛОГ**Милина А.А.,****научный руководитель д-р филол. наук, проф. Говорухина Ю.А.*****Сибирский федеральный университет***

Илья Кукулин – один из самых видных деятелей современной критики. Поэт, критик и литературовед, он стал ярким представителем интеллигенции поколения 1990-х. И. Кукулин окончил факультет психологии Московского государственного университета и аспирантуру филологического факультета Российского государственного университета. В 2000-2002 гг. обозреватель газеты "Ex Libris НГ", в 2002-2009 гг. член редакционной коллегии журнала "Новое литературное обозрение". Является главным редактором сетевого литературного журнала «TextOnly», редактором и автором предисловия Антологии новейшей русской поэзии "Девять измерений". В 2009 г. И. Кукулин выпустил первую книгу стихов. Сочетание научной и творческой деятельности, на наш взгляд, обусловило особый литературно-критический подход, одна из составляющих которого – прямое представление об акте художественного созидания, что и позволяет уникально осмыслить текст.

Объектом литературной критики Ильи Кукулина является литература советского и постсоветского времени. Свою установку он формулирует так: «Писать и пытаться разобраться в том, что мне интересно. Не замыкаться на каких бы то ни было тусовках – возрастных, городских или стилистических. В литературе происходит множество процессов, и чем большее их количество сможет отследить критик – тем лучше. Конечно, есть свой вкус и есть, можно сказать, какие-то границы сбора информации, но границы эти не обозначены раз и навсегда, они всегда меняются, их можно и нужно расширять. Есть многое, за чем стоит следить» («Знамя», 1999, №2). В то же время «всеядным» Кукулина назвать нельзя. У него есть свой приоритет в выборе материала, это поэзия (Александра Левина, Бориса Поплавского, Дмитрия Авалиани, Марины Цветаевой и др.). По мнению критика, «современная русская поэзия не пользуется большим вниманием читателей. При разговоре даже с профессиональными филологами часто сталкиваешься с оценкой стихотворения по признаку “сделанности”: красиво — не красиво. Или: смешно – не смешно» («Знамя», 1998, №2). Кукулин-критик и литературовед ориентирован на осмысление формы и содержания поэтического текста, он не останавливается на этапе интерпретации и оценки.

Аналитический подход к материалу обусловил объективно-научное, практически безэмоциональное изложение суждений в текстах критика. Стилль И. Кукулина отличается нейтральностью, научностью, филологичностью, краткостью. Своего адресата критик никак не называет и не обращается к нему, представляя его филологически образованным, интеллектуально развитым читателем, способным воспринять аналитику.

Особенность интерпретационной манеры И.В. Кукулина заключается в его объективной сосредоточенности на тексте, нередко сухом филологическом анализе, обильно сопровождающемся примерами. Перед нами критик текстоцентричный. Кукулин последовательно вписывает интерпретируемые им тексты в исторический контекст. Особенно это характерно для статей 1990-х годов, где лейтмотивом его критической деятельности является определение принадлежности объекта к советской\постсоветской действительности, сосуществование в «политике удушья» или непричастность к этому политико-временному пространству.

«Напомню, что мы говорим о происходящем прежде всего в той части литературы, которая генетически и типологически связана с традицией неподцензурного искусства – поэзии, изобразительных искусств и т.п. 50-х – 70-х годов в СССР и отчасти в эмиграции» («НЛО», 2001, №52). Критик выделяет три ветви литературного процесса советского XX века: литература эмиграции, «советская официальная» и «советская неофициальная» литературы. На этих «трех китах», каждый из которых имеет специфическую стилистику и особую поэтику, находятся все существующие в современности литературные тенденции.

Если проследить закономерности композиционного строения статей И. Кукулина, можно увидеть, что в начале критик знакомит нас с рецензируемым автором и определяет его место в современном литературном процессе, далее – останавливается на истории его публикаций и крайне редко обращается к биографическим данным. Биография имеет значение только в тех случаях, когда критик обращается непосредственно к описанию личности поэта, тогда он даёт волю субъективной оценке, избегая при этом личной формы высказывания: «Поплавский – невротичный, неровный, мятущийся человек, но при этом необыкновенно глубокий и настоящий. Он вызывает уважение и, в конечном счете, доверие – и в поэзии, и в письмах. В нем не было внутренней позы и стремления заменить поиски готовой идеологией» («Знамя», 1998, №5).

В представлении И. Кукулина, произведение – это нечто, способное изменить и автора, и окружающий мир, это «новый орган человека и непредсказуемый двигатель» («Знамя», 1998, №5), это чувства\порывы, которые непременно должны иметь свою особую эстетическую форму, «новый строй высказывания». «Новое искусство ничему не учит и ни к чему не призывает. Уроками являются само его существование и его эстетический строй. Причем существование не как целого, а только как развитие отдельных поэтик, отдельных человеческих путей в искусстве и – соответственно – в мире» («Знамя», 1998, №2). Эти высказывания характеризуют Кукулина не только как критика-ученого, но и как критика-эстетика, критика-философа. Текстцентризм, кроме литературно-критического аспекта деятельности исследователя, проявляется еще и в метафизике его жизнеощущения. Но, всё-таки, сосредоточенность на анализе формальной стороны продукта творческого процесса является для критика основополагающим принципом: «Эксперименты Авалиани систематически развиваются по нескольким направлениям. Анаграмматические стихотворения целиком состоят из слов попарно идентичного буквенного состава» («Знамя», 1996, №3). «...сложно говорить о художественном языке Ефремова. Например, неожиданная для современного автора склонность к текстам с рефренами-“припевами” у Ефремова напоминает одновременно барда Михаила Щербакова и выдающегося польского поэта XIX века Циприана Норвида – приблизительно в равной степени» («Дружба народов, 2002, №11»). Не чужда И. Кукулину и роль интерпретатора: «Пожалуй, самое устойчивое чувство героев Ефремова – что любое сближение с человеком вообще и с женщиной в особенности содержит зерно расставания и отчуждения. Острое чувство пронзает в такие минуты: человек лелеет свое отчуждение и в то же время старается успокоить другого человека, к которому он почувствовал влечение, найти для этого другого место во вселенной» («Дружба народов, 2002, №11»). Здесь работает его концепция взгляда на литературу как на начало или продолжение объективной действительности.

Илья Кукулин – это особенный литературный деятель, синтезирующий в статьях научный филологический подход и собственно подход профессионально критический. Лаконичность и содержательность его статей ориентирует читателя на интеллектуальный и эстетический аспекты восприятия рецензируемого текста.